

Всем семьям, воспитывающим
детей-инвалидов, посвящается.

Пусть вам улыбнётся удача!

Автор (инвалид детства)

Глава 1

Дом-призрак

Алматы. Наши дни

Короткий майский дождик совершил своё благое дело — освежил городские улицы, прибил к земле пыль и копать переполненных автомагистралей. Засияли снежные пики гор Алатау, благодарно щебетали птицы.

Улыбнулся и пролетел на пегом коне по небу бог Тенгри, а влажные кусты сирени помахали ему вслед душистыми кисточками соцветий. Но кто из горожан обратил на это внимание? Будним майским вечером, словно пчёлы к ульям, торопятся алматинцы к своим жилищам, торговым центрам, кафешкам, кинотеатрам. Несётся и растекается человеческий поток, заполняя улицы и дороги.

Ярко-жёлтый автомобиль скорой помощи с трудом лавировал в плотном потоке машин, медленно ползущих по улице Жансугурова.

Сидевший за баранкой Валентин Иванович Иммель, лысый здоровяк с внешностью бывалого пирата, мысленно костерил на чём свет стоит упрямых участников дорожного движения, загораживающих проезд. Конечно, можно было дорожных тугодумов и в голос припечатать — закон на его стороне, только уж больно не хотелось будить сладко посапывающую на соседнем сиденье худенькую докторшу. Такими темпами ещё минут пятнадцать пилить. «Спи, Каниша, спи...» — думал он, стараясь управлять машиной как можно плавнее.

Он не включал сирены и не сигналил. Какой смысл, если даже по встрече не уйти? Ездить в час пик в двухмиллионном городе без дорожных пробок нереально. Ясно-понятно, что Алматы не Токио, да вот только если пропускная способность дорог рассчитана на количество транспорта в десять раз меньше, то километровые заторы обеспечены. А сегодня тем более: Джума мубарак, благословенная пятница, — день особый!

Как сказано в Священном хадисе, «иудеи выбрали себе субботу, христиане — воскресенье, а мусульманам Аллах даровал пятницу». Сегодня все городские мечети полны прихожан, поэтому и стихийные парковки на проезжей части растягиваются на километры, занимая и без того дефицитное полотно дороги. Но тут ничего не попишешь — святое дело, придётся потерпеть.

Из придорожной кафешки крепко пахнуло жарящимся на мангале мясом. Валентин Иванович сглотнул слюну и подумал, что хорошо бы перекусить, но шуршать целлофаном, вытаскивая прихваченный из дома курт, не стал, побоялся разбудить Канишу.

Грубоватый и резкий в обычной жизни, рядом с ней он вёл себя иначе — говорил вполголоса, что при его природном басы было непросто, избегал гусарского юмора, да и вообще старался без особой надобности рта не раскрывать. Спросит — ответит, она молчит — и он слова не проронит. Позволял себе лишь украдкой, вполглаза ею любоваться. А как не любоваться такой лебедушкой? Ведь эта женщина с узким лицом и потрясающими глазами янтарно-медового цвета ему с первого выезда приглянулась. Как увидел её в светлом форменном костюмчике, с тугим пучком волос на гордо поднятой голове, так сердце и защемило. Как есть птица-лебедь! Красивая и неприступная.

Кто-то скажет, дескать, не молода уже доктор Каниша Биржановна Турсунова, и волосы с проседью, и морщинки вокруг глаз. Только Иммелю и эта седина, и морщинки очень нравятся, так нравятся, что глаз бы не отводил... Но вслух Валентин Иванович никогда в своей симпатии не признается — где он, а где она! Непреодолимая пропасть между ними. Как говорит современная молодёжь, с его-то бэкграундом... Такая женщина — не по Сеньке шапка. Любоваться — любуйся, но не более того.

Нижняя часть Алматы — сплошь частные застройки. Стоят домики, прильнув друг к дружке глухими заборами, только крыши торчат. Крутых современных коттеджей

в этом районе негусто. Те, кто побогаче, предпочитают верхнюю часть мегаполиса, чтобы к горам поближе. Там домищи так домищи! Не хуже, чем у заграничных толстосумов. А здесь, по пути к железнодорожному вокзалу, в основном теснятся одноэтажки середины прошлого века. Сделанные из глины и камышовых матов, в своё время они помогли решить проблему жилья в сейсмоопасном регионе, а сейчас наступает на них со всех сторон высотное строительство. Новый век — новые технологии! Не боятся сегодня землетрясений алматинские небоскрёбы.

Поглядывая в навигатор, Валентин петлял по узким проулкам почти впритирку к заборам. Неожиданно прямо перед ним из открытых ворот дёрнулся навстречу внедорожник.

— Ты что творишь? — не сдержавшись, гаркнул Валентин и резко нажал на тормоз. Машина вздрогнула и остановилась.

Водитель джипа извиняющимся жестом приложил руку к сердцу.

— Прости, брат! — крикнул он, сдавая обратно во двор.

От резкого торможения и шума проснулась Каниша.

— Всё в порядке, Валентин Иванович? — поправляя волосы, спросила она. — Уже приехали?

— Почти, — пробурчал Валентин. — Следующие ворота наши.

Припарковавшись около высоченной металлической ограды малинового цвета, Валентин, поискав глазами калитку, кивнул на неё докторше:

— Звонок вроде есть. А если хотите, Каниша Биржановна, могу с вами пойти.

— Ну что вы, я сама, — улыбнулась женщина и, подхватив врачебную сумку-укладку, ловко выбралась из автомобиля.

* * *

Каниша не успела дотронуться до кнопки звонка, как ворота распахнулись, будто за ними поджидал услужливый швейцар. Шагнув во двор, женщина осмотрелась — никого.

Доктор Турсунова — не робкая дамочка, за годы работы на скорой помощи многого навидалась. Все люди разные, по-разному живут и врачей по-разному встречают. Но такая тишина настораживала. Похоже, одинокий человек сам для себя скорую вызвал. Возраст Миржана Сабитова, на которого был оформлен вызов, весьма почтенный, поэтому она не раздумывая поспешила по узенькой тропинке к виднеющемуся в глубине двора зданию.

Дом был старый и как будто заброшенный. Поднявшись по скрипучим ступеням на крыльцо, доктор почувствовала, как из открытой покосившейся двери повеяло сыростью и запустением. А ещё удивила паутина... Огромные пыльные лохмотья свисали с углов дверного проёма. Каниша в нерешительности остановилась.

— Проходи, не стой, заждался я, — слышался изнутри приглушённый мужской голос.

— Иду, — отозвалась женщина и, переступив порог, оказалась в светлой, абсолютно пустой прихожей с металлической дверью. Дверь показалась знакомой. Точь-в-точь такая же, выкрашенная серой краской дверь была у неё в квартире. Ещё муж устанавливал лет тридцать назад. Ей стало трудно дышать, и закружилась голова. Каниша сделала глубокий вдох и потянула на себя ручку.

Теперь она попала в прямоугольную проходную комнату с приоткрытой дверью на противоположной стене. Здесь было на удивление свежо и чисто. Диван, два старомодных кресла с полированными подлокотниками, журнальный столик, покрытый белой, вязанной крючком ажурной салфеткой, — всё в идеальном состоянии. И как трогательно лежит на столике пухлая тетрадь с мультяшными птичками и кошками на обложке. Каниша заглянула в тетрадку. Пробежав глазами несколько строк, написанных похожим на мужской угловатым почерком, поняла, что перед ней всего лишь кулинарные рецепты. «Наверно, тут обитает холостяк», — подумала она и двинулась дальше.

Следующая комната также оказалась проходной. Каниша будто попала в больничную палату, насквозь пропахшую лекарствами. Кровать была застлана постельным бельём в светло-голубую полоску. Опытный глаз медика заметил подложенную под тонкую простынь непромокаемую клеёнку. На прикроватном столике пузырьки, а в пластиковом контейнере блистеры с таблетками. Около стены рядом с дверью пустовало инвалидное кресло-каталка, на сиденье лежала расчёска с несколькими длинными рыжими волосами, явно женскими.

— Хозяева! — крикнула доктор, но, не дождавшись ответа, прошла насквозь и эту комнату.

Путешествие через проходные и явно обжитые комнаты смущало Турсунову. Она словно без спроса вторгалась в чужие миры.

Следующая комната удивила неожиданным интерьером — её стены были из дерева! Причём это были не доски, а крупные брёвна, покрытые лаком. Каниша не удержалась и потрогала их. На вешалке висели яркие пуховики, в углу стояло несколько пар лыж. Но больше всего удивил камин. Камин был настоящий, облицованный тёмным камнем, на его верхнем выступе громоздились смешные фигурки семейства муми-троллей. В детстве Каниша обожала этот советский мультик, да и своему внуку Ержанчику читала сказки Туве Янссон. Напротив камина вдоль стены стоял диван с разноцветными подушками и мягкими детскими игрушками. Однако, как и предыдущие комнаты, это помещение было безлюдным и тоже заканчивалось дверью.

— Уважаемые, вы меня слышите? — раздосадованно крикнула Каниша.

Но и на этот раз никто не отозвался.

«Дело плохо», — подумала доктор и, перешагнув очередной порог, вошла в роскошный кабинет, обставленный дорогой мебелью. На письменном столе стоял включённый ноутбук, по экрану, стремительно сменяя друг друга, неслись столбики цифр, а в то и дело всплывающих «окнах»

возникали изломанные кривые каких-то графиков. С краю столешницы — стопка книг и футляр для очков. Около стола — кожаное кресло с прислонённой к нему тёмной тростью, на жёлтом металлическом набалдашнике выгравирована большая восьмёрка.

Каниша взяла трость и легонько постучала по столешнице. Никто не отозвался.

Кабинет предсказуемо заканчивался дверью. Каниша дёрнула за ручку и... обнаружила себя на террасе, ведущей в сад. Ничего не понимая, она сделала несколько шагов вперёд. В этот миг дверь за её спиной захлопнулась, и в тишине раздался звук поворачивающегося в замке ключа. Изнутри.

— Что за дурацкие шутки! Немедленно откройте! — Турсунова выхватила из кармана телефон и хотела было позвонить Валентину Ивановичу, но телефон глухо молчал.

— Если бы отсюда можно было связаться с кем захочешь, люди перестали бы бояться смерти. — Голос доносился откуда-то из-за деревьев.

— С кем я говорю? Вы где? Что происходит? — стараясь не паниковать, требовательно выкрикнула Каниша.

— Я здесь, прямо перед тобой!

Среди зарослей вишни, сливы и старых яблонь, прислонившись к стволу, стоял худощавый парень в чёрных джинсах и вязаной серой кофте с капюшоном, натянутым на голову так, что рассмотреть лицо было невозможно.

У Турсуновой защемило сердце. Вязаная кофта... Очень похожую кофту для её пропавшего мужа связала Роза. Алмаз был большим модником и обожал обновки.

— День добрый! Где больной? — срывающимся голосом спросила Каниша.

— Какая же ты красивая, моя малышка! — как-то невольно грустно отозвался незнакомец.

— Послушайте, немедленно отведите меня к больному! Я на работе! — скомандовала Каниша.

— Прости, не получится. Это я тебя вызвал! Дыхание умирающего — мостик между мирами. Я рискнул и пришёл... Живи рискуя, умри со славой! Помнишь?

Парень откинул капюшон, и Каниша попятилась, зажав рот рукой. Это был Алмаз. Такой же молодой, как тридцать лет назад. Скуластое лицо, глаза с весёлым прищуром и длинная косая чёлка. Но как?! Почему он не изменился?

— Алмаз? Это ты? Где ты был, чёрт тебя побери! Что с моим братом? Где Эльвирочка?

Каниша ринулась к деревьям. Она бежала по заросшему саду, который становился всё больше и больше, словно не подпуская её к мужу. Она путалась в высокой траве, падала, спотыкаясь о корни деревьев, а гибкие ветки кустарников больно хлестали её по рукам. Она выдохлась, так и не достигнув цели. Каниша закрыла глаза и заплакала. А когда успокоилась, то увидела, что снова стоит на террасе, только теперь повсюду лежит белый снег.

— Каниша, ты должна меня простить! — долетел до неё голос Алмаза. — Так будет лучше для всех!

— Для кого «для всех»? — еле слышно прошептала Турсунова.

— Для твоего брата Амантая и нашей старшей дочери Эльвиры! Они живы! Найди их! Ты сможешь!

— Как «живы»? Это неправда!

Больше тридцати лет прошло с тех пор, как пропали Амантай, Алмаз и Эльвирочка. Не умерли от болезни или катастрофы, не были убиты или замучены злодеями... Они исчезли. Её родные мужчины сбежали, прихватив с собой двухгодовалого ребёнка! Ни писем, ни могил, ни известий — ничего. Были люди — и нет людей...

Каниша изо всех сил потрясла головой, пытаясь вырваться из плена охватившего её наваждения. Нужно взять себя в руки! Всё, что сейчас происходит, всего лишь игра воображения!

— Не сопротивляйся, потерпи. Здесь другие правила, — казалось, Алмаз шепнул ей это в самое ухо. — Тебе придётся

окунуться в воспоминания и двигаться дальше. Хозяева комнат расскажут секреты, первая дверь откроет возможности...

Последние слова Каниша уже не слышала, бурный поток воспоминаний накрыл её с головой. Она снова вернулась в тот проклятый декабрь девяносто пятого года.

* * *

Ранний вечер. Она, счастливая, идёт по хрусткому снежку из женской консультации домой. Бредёт по заснеженной аллее, вдыхая свежий морозный воздух. На ней лёгкая как пёрышко норковая шубка с большим капюшоном, из-под которого на грудь спускается длинная тугая коса.

Эту белоснежную роскошь ей на двадцатилетие брат Амантай подарил, а Алмаз — серьги с настоящими бриллиантами. Серёжки не покупные. Они сделаны на заказ в далёкой Якутии, куда муж частенько летал по делам. Золотые ромашки с бриллиантовой сердцевинкой, а на обратной стороне малюсенькие гравировочки в виде перевёрнутой восьмёрки — знака бесконечности. И это не просто так... Так выглядит тамга её предков аргынов. По поверью, тамга приносит удачу и оберегает от бед.

Девчонки на курсе от такой красоты обалдели. Пришлось соврать, что это не бриллианты, а фианиты. Зачем злить лишний раз? Ведь все и так ей завидуют: муж — состоятельный красавец, брат — бизнесмен, дом — полная чаша. А сейчас ещё и второго ребёнка родит без отрыва от учёбы. Замечательная судьба у Каниши Турсуновой, всем бы такую!

Доктор, делавший осмотр, сказал, что вторая беременность протекает нормально, и к лету у них с Алмазом родится ещё один ребёнок.

«Хорошо, что к лету, — радовалась Каниша, — можно договориться и сдать экзамены за третий курс до сессии». Не откажут в деканате молодой мамочке, чей щедрый муж исправно одаривает преподавателей продуктовыми пакетами.

Каниша поначалу Алмазу выговаривала, мол, ни к чему это, когда она и сама с учёбой справляется. Не отличница, конечно, но пятёрки и четвёрки в зачётке — её личная заслуга. Алмаз отмахивался: «Отстань, малышка! В наше время никто от подарка не откажется. В магазинах ноль повдоль, а я им водочки финской, рыбки норвежской, ветчинки венгерской... Думаешь, преподы святым духом питаются? Нам нужно Аллаха благодарить, что они вообще работать продолжают, а то бы присоединились к своим коллегам на рынке, а на институт замок повесили».

Прав Алмаз, всегда прав! Он про жизнь и про людей больше неё понимает. От этого и скрытничают. Про их с Амантаем бизнес из него клещами ничего не вытянешь. «Меньше знаешь, крепче спишь, малышка», — вот и весь ответ. Только как крепко спать, если у мужа то рука в гипсе, то пистолет в ящике стола обнаружится.

«Может, второй ребёнок его остепенит», — думает она разглядывая длинные, голубоватые в наступающих сумерках, тени деревьев на снегу. Ей очень хочется, чтобы Алмаз поскорей закончил со своим непонятным ей занятием — всё время выполнять чьи-то распоряжения. Бежать, лететь, ехать, срываясь в любое время суток. Ей хочется, чтобы он обзавёлся нормальной работой: кабинет, стол с креслом, машина, подчинённые. Алмаз только смеётся, когда она заводит этот разговор. Говорит, пока рано... Пока они с Амантаем накоплением капитала заняты. Только чувствует её сердце — будто канатоходцы в цирке, ходят муж и брат над пропастью по тонкой струнке. Чует и молчит, не решается пережить любимым мужчинам.

Ничего не поделать — время такое! Все в девяностых крутятся и рискуют. Предприятия закрываются, зарплату задерживают, в магазинах пустые полки, даже бывшие учителя, ярые поборники советской морали, ездят в Китай за товаром, переqualифицировавшись в челноков. Зато у неё дома и холодильник полон, и в нижнем ящике комода лежат приличные пачки денег.

— Ты мне пятерых роди! — шутил Алмаз. — Пусть две старшие девчонки будут, а потом троих сладеньких маленьких джигитов!

— А ничего, что я собираюсь врачом стать? — притворно возмущалась Каниша. — Когда ж я работать буду с такой оравой?

— Станешь! — уверял муж. — Дети карьере помехой не будут! Лет через пять накоплю на огромный дом и целый штат прислуги тебе найму. Будешь как ханша жить!

А братец Амантай только другу вторил:

— Давай, давай, сестрёнка! Сделай из меня счастливого дядю. Я племянников не обижу! Да и, честно сказать, чем у вас детей больше будет, тем меньше ко мне родители с жёнитбой приставать станут.

— Правильно пристають — жениться пора, — возражала Каниша.

— Нет! Только после сорока, — смеялся брат. — Сначала намеченное доделать нужно. У нас с твоим мужем на ближайшие десять лет грандиозные планы.

— А любовь? — удивлялась Каниша. — Разве может человек без любви жить?

Алмаз и Амантай только переглядывались, а брат шутил, дескать, без любви прожить можно, а без денег — никак.

Ну и ладно, им виднее, уступала она мужу и старшему брату, не ей их поучать!

Ещё год назад она и мечтать не могла, что муж купит трёхкомнатную квартиру рядом с проспектом Абая. На приобретение панельных хором ушла уйма денег — целых пять тысяч долларов. Ремонт тоже встал в копеечку — почитай, ещё полтысячи улетело. Но главной достопримечательностью их нового жилья стала массивная металлическая дверь. Такие в те годы редко кто ставил. Многие соседи поглазеть приходили, шептались, дескать, у молодых богатства много, раз такую дверь установили.

А ещё в новую квартиру Алмаз привёз из аула одинокую родственницу для помощи по дому. Тётя Роза была

незаметной как мышка, разговаривала тихо, с малышкой нянчилась с удовольствием. Но самое главное — Роза разговаривала с Эльвирочкой только на казахском, пела ей песни, рассказывала сказки. Алмаз и Каниша восхищались, как их дочка в два годика легко переходила с русского на казахский, стоило Розе появиться рядом или взять её на руки.

Однажды по телевизору показали пятилетнюю девочку, которая свободно разговаривала на семи языках, включая арабский и китайский.

— Наши дети тоже будут знать несколько языков, — воодушевился Алмаз. — Пусть перед ними будут открыты все дороги! Пусть они объедут весь мир! Пусть получают самое крутое образование и живут где хотят.

Не было в их семье разногласий, не считая одного случая, когда, невольно подслушав разговор между мужем и братом, Каниша испугалась не на шутку...

* * *

Была уже половина второго ночи, а Алмаза не было дома. Он и раньше задерживался, но всегда предупреждал её, чтобы не ждала, укладывала Эльвирочку спать и сама без него ложилась. Но той ночью она не могла уснуть. Маялась, ворочалась с боку на бок, решила пойти на кухню попить чаю. Свет включать не стала. Так и сидела, задумавшись, с чашкой у окна.

Когда в двери щёлкнул замок, она поняла, что Алмаз вернулся не один, а с Амантаем. Хотела выйти им навстречу, но что-то её остановило.

Они же, не прерывая беседы, скинули в прихожей обувь и, пройдя в гостиную, плюхнулись в кресла.

— Дверь в спальню прикрой, — тихо скомандовал Амантай. Клацнул язычок межкомнатной двери.

— Да не переживай, мои девочки крепко спят, хоть из пушки пали. Пиво будешь? — послышался голос мужа.

— Ничего не хочу, рахмет! Коммерсы так накормили, на неделю наелся, — хмыкнул Амантай. — Ты мне лучше ещё разок все детали расскажи.

— Ну ты и тугой, — фыркнул Алмаз.

— Не тугой, а осторожный. Валяй!

— Короче, всё проще простого! Банк, где работает Лука, выдаёт нам кредит под залог приобретаемого имущества. Ни много ни мало два с половиной миллиона долларов.

Услышав сумму, Каниша зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

— Мы с тобой загоняем деньги на счёт фирмы Эдика, якобы на покупку внедорожников. Потом мы будто бы гоним машины на перепродажу в Таджикистан. Договор, факсы-шмаксы — всё будет! На пути в Душанбе машины типа попадают в зону боевых действий. Там сейчас такие случаи не редкость. Водилы типа сбегает, а джипы накрываются медным тазом. После чего нам выдаётся справка, подтверждающая, что всё так и было.

— А не придерутся, зачем мы джипы в Таджикистан продаём? Все ведь знают, что там творится.

— У-у-у... Ну, ты странный... Кто придерётся? Мы же деньги на всех пилим, включая банк, который спишет эту задолженность как форс-мажор. Не переживай, Лука досконально подготовился. Он так всё оформит, комар носа не подточит.

— И сколько мы наварим? — поинтересовался Амантай.

— Не знаю, как боссы деньги делить станут, но, думаю, не обидят.

— Да понятно. Даже если по полмиллиона дадут, мы себя с одной сделки до старости обеспечим.

— Скажешь тоже, — усмехнулся Алмаз, — лично мне этого недостаточно. Хочу крутую машину, дом у моря и стартовый капитал на собственное дело. Короче, мне не хватит... Есть у меня одна мыслишка, как наши доли приумножить...

— Излагай.

— Брюлики!

— Что брюлики?

— Предлагаю объединить наши доли и набрать камушков.

— А на жизнь?

— Не смеши, на жизнь нам и так хватает.

— А ты уверен, что камни будут расти в цене?

— Даже не сомневайся! Лет через пять как минимум вдвое поднимутся, а если как следует подождать, то и в десять. Я эту тему пробил, в курсе теперь. Главное — брать крупные камни, от пяти карат и выше. Чем больше камень, тем выше цена. А если повезёт и купим цветные... там вообще огонь! Розовые бриллианты каждые десять лет на триста процентов дорожают! Думай, братишка! Когда повсюду наведут порядок, поздно будет! Сейчас действовать нужно!

— Да, тема крутая, — признал Амантай. — Пойдём на кухню, чайку жажнем, обмозгуем.

Каниша сидела, сжавшись в комочек, и, не в силах пошевелиться, с ужасом смотрела на парней, которые, включив свет, сами остолбенели. Они явно не ожидали её здесь увидеть в такое время.

— О! Малышка! А ты чего не в кровати? Кипяток есть? — первым опомнился Алмаз.

Каниша даже не шелохнулась, словно и не к ней муж обращался.

— Ребята, да вы просто воры и аферисты! — выпалила она.

— Украл, не поймали, значит, заработал, — наставительно произнёс Амантай.

— Что-о? — презрительно скривилась Каниша. — А если поймают? Об этом не думали?

— Кого поймают? Зачем поймают?

Алмаз наливал воду в чайник с таким лицом, будто не понимал, о чём говорит жена.

— Малышка, ты хоть знаешь, что мы обсуждали?

— Догадалась! Не дурочка!

— А вот и нет! Всё, что ты слышала, — это идея для сценария боевика. Банк финансирует одного режиссёра, а с нами консультируется по теме и предлагает стать продюсерами... Казахстан, детка, сейчас самостоятельное государство, и кинематограф у нас должен быть свой. Стало быть, и боевики

с лихо закрученным сюжетом нужно самим придумывать. Вот и всё.

Алмаз поставил чайник на плиту, легко поднял Канишу на руки и, целуя, отнёс в постель. А через полчаса пришёл сам, и до утра они забыли обо всём на свете. Этой ночью он любил её так необыкновенно нежно, что все страхи и подозрения улетучились из её хорошенькой головушки.

Сказочная заснеженная аллея закончилась проезжей частью. Впереди возвышался жилой массив с освещёнными окнами, припаркованными автомобилями и гуляющей ребятнёй.

На перекрёстке перед Канишей притормозила зелёная «шестёрка». Водитель, крепкий, молодой блондин в спортивном костюме и вязаной шапочке «петушок», предложил подвести её до дома.

— Девушка, вы ничего такого не подумайте! Я от чистого сердца! Садитесь, довезу, куда скажете.

— Спасибо, я уже пришла, — сухо ответила Каниша и демонстративно отвернулась, машинально теребя в ухе серёжку. Дурацкая привычка со школы. Завуч сначала гоняла девчонок за проколотые уши, а потом вроде смирилась, милостиво позволив носить только скромные украшения без камушков. Девочки, которые украшали ушки жемчужинкой или рубинчиком, при виде завуча выкручивали серьги таким образом, чтобы из мочки выглядели только дужки.

Она не заметила, как застёжка расстегнулась и золотая ромашка соскользнула вниз.

— Девушка, постойте. не уходите! Вы что-то уронили! Я сейчас вернусь, вместе поищем! — крикнул водитель и резко тронулся с места, еле успев проскочить на зелёный.

— Не смешно! — крикнула ему вслед Каниша.

Она перебежала через дорогу и повернула к дому... Каниша не заметила, что потеряла серьгу, да и потом об этом не вспоминала. Не до того было...

Дальше всё как в тумане: незапертая дверь в квартиру, рыдающая тётя Роза, раскиданные вещи... И пустой детский манежик. На подкашивающихся ногах она подошла к манежу и увидела исписанный почерком Алмаза листок бумаги.

— Там всё на русском, я ни словечка не поняла, — всхлинула за спиной Роза. — Скажи хоть, что написано?

Каниша взяла листок: «Малышка, так надо! Не ищи нас и не заявляй в милицию. Записку сожги. Мы тебя любим!»

Она не понимала, что происходит, чувствовала только, что это что-то страшное и, может, даже непоправимое. Не снимая сапог и шубы, кружила по квартире, открывая и закрывая створки шкафов, выдвигая ящики комодов. И лишь убедившись, что исчезнувшие вместе с дочкой муж и брат прихватили не только детские вещички, но и документы, заплакала. Получается, они сбегали осознанно, сбегали надолго...

Добиться чего-либо от напуганной Розы было невозможно. Двести раз она твердила одно и то же: она с Эльвирочкой была дома, вдруг приехали Алмаз и Амантай, спорили по-русски и она ничего не поняла. Потом велели ей ехать на центральный базар и купить казы, не торопиться, выбрать килограмм пять самых лучших. Дали денег, сказали, что дождутся её. Когда Роза вернулась, дверь была открыта, вокруг царил полный раскардаш, а в доме не было ни души.

Поначалу Каниша успокаивала себя, что они вот-вот вернуться, пыталась найти оправдание их побегу. Наверное, вляпались во что-то. Алмаз любит рисковать и Амантая за собой тащит. Ничего, побегают, уладят дела и вернуться. Тогда она им обоим устроит! Спросит за Эльвирочку! Виданное ли дело ребёнка без предупреждения из дома забирать.

Надежды исчезли, когда дом превратился в проходной двор. Сначала бритоголовые бандиты в чёрных кожанках заявили, всё вверх дном перевернули. Перетряхнули каждую вещь: высыпали на пол муку и крупы, разобрали технику и мебель. Затем, словно озверев, выбивали

подоконники и поднимали плинтуса, шарили внутри вентиляции и развинчивали смывной бачок в туалете. Кричали на неё, выпытывали, куда братец с мужем отправиться могли. Бить не били, видать, рука на беременную не поднималась. Только зло матерились, когда заплаканная Каниша прикрывала руками живот. Спасибо тёте Розе — ни на шаг от Каниши не отходила. Ругала налётчиков на чём свет стоит, самыми жуткими казахскими проклятиями осыпала. Один из них не выдержал и, сверкнув чёрными, как угольки, глазами, схватил Розу за руку и, подтащив к дивану, усадил силой.

— Сиди, мать, не дёргайся. Благодарю Аллаха, что шеф дал команду к вам с девкой не прикасаться, а то бы я тебе твой поганый язык ножом отрезал.

После бритых братков заявили милиционеры, и всё повторилось. Только теперь под протокол. Странно, но ни те, ни другие так и не сказали, что ищут.

Всё мало-помалу улеглось, когда упрямая Роза уговорила Канишу позвонить родителям, и те тут же примчались. Кокшетауских связей отца и на Алматы хватило. Обыски и допросы прекратились, убитая горем Каниша была госпитализирована на сохранение. И только обезопасив дочь, Биржан и Айгуль Турсуновы направили все силы на поиск пропавших сына, внучки и зятя, даже частного детектива нанимали. А через полгода прекратили, резко и безо всяких объяснений. Что они узнали, они Канише так и не сказали. Просто наложили табу на эту тему и посвятили себя без остатка дочери и теперь уже единственной, рождённой после тех загадочных событий, внучке Динарочке.

* * *

— Что было, то прошло! Хватит себя жалеть! — отчётливо прозвучало из глубины сада. — Я открыл перед тобой все двери! Хозяева комнат, что скрывались за ними, уже рядом! Всё зависит только от тебя! Если не оттолкнёшь

первого — найдёшь всех! Главное — знай, первая дверь — самая важная, она — счастье твоей семьи! Прощай, малышка!

Каниша смотрела перед собой и ничего не видела. Сад, деревья, странный мужчина, похожий как две капли воды на Алмаза, — всё пропало.

Было такое чувство, что она резко вынырнула из глубокого сна и снова ощутила своё тело. Каниша вытянула руку, но пальцы наткнулись на что-то гладкое и прочное. Она ударила по отвердевшему пространству. Раз, второй, третий...

Звук от ударов был такой гулкий, словно она тарабанила по железу.

— Да хватит уже, — досадливо попросил Валентин Иванович, стоя за спиной Турсуновой и недоумеая, зачем она так долго колотит кулачком по воротам.

— Да ё-мое, что с вами? Вот же звонок есть! Зачем стучать, если позвонить можно?

Каниша невидяще посмотрела на него, на запертую калитку, на машину. Как-то вдруг сникла и, опустив голову, чтобы водитель не понял, что с ней происходит что-то неладное, посторонилась, пропуская его вперёд. Валентин несколько раз нажал на звонок. Из-за забора слышались шаги.

«Что это было? Галлюцинации? Сон среди белого дня? Я ведь совсем не помню, как здесь очутилась. Может, спросить Валентина Ивановича? Нет, ещё подумает, что я спятила... А если откроет тот, похожий на Алмаза, как мне себя вести?»

Каниша почувствовала, что её вот-вот накроет паническая атака. Бледная, с выступившими на лбу бисеринками холодного пота, она заставила себя сосредоточиться на глубоким дыхании, но заставить себя не смотреть в сторону забора не получилось.

Ворота открылись, но вместо призрака в вязаной кофте перед ними возник высокий улыбчивый парень с симпатичным карапузом на руках.

— Здравствуйте! Вам кого? — по-казахски спросил он, но, сложив в уме машину и форменную одежду на женщине, догадался что перед ним выездная бригада скорой помощи.

— Сейчас что, врачи по собственной инициативе приезжают?

Иммель и Каниша переглянулись.

— Извини, уважаемый, — заговорил Валентин, — у нас по этому адресу зафиксирован вызов. Миржан Сабитов, пятьдесят четвёртого года рождения, здесь проживает?

— Ошибка, отец, — переходя на русский, улыбнулся парень, — никаких Сабитовых здесь нет. Пошутил кто-то. А мы врача не вызывали. Слава Аллаху, все здоровы.

— Данияр, сынок, кто там пришёл? — пышнотелая женщина в белом платке с любопытством разглядывала непрошенных гостей.

— Перепутали, апа, какие-то Сабитовы на наш адрес скорую вызвали.

— Ойбай! Ну что за люди! — всплеснула та руками. — Да разве можно так баловаться... Всё из-за интернета этого. Насмотрится молодёжь там всякой ерунды и придумывает, как это слово-то, по телевизору говорили, — женщина пошевелила губами, — феньки! Обман значит...

— Мама, не феньки, а фейки! Только это здесь ни при чём, — укоризненно произнёс Данияр.

— Пусть фейки, но всё равно обман!

— Значит, вызов был ложный? — как во сне произнесла Каниша. — Тогда извините, мы поехали.

— Ложный, ложный, — закивала хозяйка, — хулиганит кто-то.

— Бывает, — развёл руками Валентин, — весёлый у нас народ...

— Э-э-э, погоди-ка, сейчас шелпеками вас угощу, раз зря приехали, хоть перекусите.

Женщина торопливо поспешила к дому. Каниша проследила за ней взглядом и увидела дом. Совсем другой дом. Не старый и заброшенный, а, наоборот, крепкий и красивый,

облицованный светлым сайдингом. Сердце колыхнулось, как большая рыба, и учащённо забилося. Что происходит? Что у неё с головой? Как ей могла привидеться такая чушь? Нужно срочно проверить голову, иногда подобными видениями и провалами в памяти дают о себе знать опухоли мозга. Нужно срочно сделать МРТ.

— Может, не надо? Давайте уже поедем? — придвинувшись к Канише, прошептал Валентин, но та лишь покачала головой. Зато молодой папаша с ребёнком хорошо расслышал его слова и специально для Валентина пояснил: «Шелпеки — это лепёшки такие: старики считают, что их нужно печь и раздавать людям, если снятся дурные сны или приходят духи».

— Да я знаю про шелпеки, я коренной алматинец, — смутился Иммель, — просто неудобно как-то.

— Тем более, значит, вы наш русский, а наши все обычаи знают и чтут, — шустрая хозяйка уже протягивала пакет с румяными лепёшками.

— Рахмет! — поблагодарил Валентин и направился к машине.

Валентин не был русским, но и рассказывать, что он немец, было уж точно здесь некстати. Да и какая разница, что у тебя за национальность, главное — какой ты сам! Хотя сейчас всё по-другому, и люди всё меньше и меньше интересны друг другу. Живут как в скорлупе. Вот он уже полгода с Канишей ездит и ничегошеньки про неё не знает. Вроде не замужем, вроде одна воспитывает внука, Ержанчика. Дочка где-то далеко живёт. А может, оно и к лучшему? Вот спросит Каниша про его жизнь... И что? Врать он ей не сможет, а рассказывать про свои злоключения желания нет. Люди разбираться не любят. Не важно, что суд, хоть и с опозданием, но оправдал его. Что толку? Сидел ведь в тюрьме. А многие считают, что тюрьму из человека не вытравить...

Выехав на широкую улицу, развернулись по направлению к горам и двинулись вверх. В Алматы всегда так говорят, когда впереди горы — значит, двигаешься вверх, а если горы остаются за спиной — значит, вниз. Многие приезжие этого

не знают и удивляются, когда на конкретный вопрос — как добраться до нужного места? — алматинцы просто отвечают: «Это вам вверх столько-то метров». Или, например, вниз. Да ещё для убедительности рукой махнут — покажут направление. Такие они, алматинцы, и такие у них привычки.

В машине каждый думал о своём. Каниша — о своих видениях и о том, что нужно срочно позвонить подруге Биби-гуль и пройти у неё в медцентре обследование. Не дай бог, опухоль. Что тогда делать? Ержанчику всего двенадцать, а непутёвая Динка с ним не справится.

Валентин думал, что нужно попросить шефа закрепить его за другой выездной бригадой. Зачем ему на шестом десятке эти романтические, а главное — бесперспективные чувства к Канише, которая лишний раз в его сторону головы не повернёт. Сидит, молчит. Будто он этот дурацкий вызов организовал.

Люди! Они думают, что знают о жизни всё и удивить их уже нечем. Напрасно! Человек во всём зависит от хозяина Неба и Земли, от хозяина Мира — Вечного Тенгри, Манги Тенгри. И поверьте, вряд ли повелитель небес до времени сообщит им о своих планах.

Глава 2

Любовь с первого взгляда

(Володаровка (СКО)¹. 1985 год)

—Эй, товарищи Турсуновы! Подъём! — заглядывая через перегородку на примыкающий балкон, весело прокричала тётя Женя Привалова. — Подъём, засони! Праздник проспите!

¹ Совхоз Володарское (Володаровка) — посёлок и адм. центр Айыртауского района Северо-Казахстанской области (СКО). После 1997 г. переименован в Саумалколь (каз. Саумалкөл). — *Прим. ред.*

— Ну и горластая ты, Женька, — в выцветшей клетчатой ковбойке и синих трениках на соседней лоджии появился глава семейства Турсуновых, высокий и широкоплечий Биржан. — Какая ж красота! — счастливо улыбнулся он, щурясь от яркого майского солнца, сияющего и лучащегося в утренней синеве неба.

С их пятого этажа панорама такая, что дух захватывает. А если учесть, что сорок новеньких кирпичных многоэтажек, построенных для уранщиков — рабочих уранового рудника, стоят на возвышенности, то весь посёлок, озерцо и перелесок видны как на ладони.

— С праздником, Биржанчик! Мир, труд, май, спички, мыло, керосин! — хихикнула Евгения. — Сigaretкой угостишь?

Турсунов вытащил из кармана помятую пачку «Медео» и, протянув её за перегородку, подождал, пока соседка выудит длинными ноготками сигарету. Потом достал ещё одну себе и, облокотившись на перила, чиркнул спичкой.

— Здравствуйте, тётя Женья! — рядом с отцом в синей с белыми облачками пижамке возникла Каниша. — Спички, мыло, керосин! Почему вы так сказали? — прильнув к отцу, спросила она.

Турсунов вздохнул и укоризненно покосился на соседку.

— Тётя Женья шутит. А ты не стой босиком на бетоне. Беги тапочки обуй!

Каниша хитро подмигнула соседке, та подмигнула в ответ.

— Жень, при детях хоть не юмори, — выждав, когда за дочерью закроется дверь, попросил Биржан. — А если она в школе такое ляпнет? Вспомни, сколько неприятностей от прошлого заявления нашей Канишули натерпелись...

— Слушаюсь, товарищ заместитель парторга! — шутливо козырнула Евгения. — Как там моя подруга, всё вчера успела? Венок-то украинский доделали? Вы же на празднике будете Украину представлять! Биржан, а может, вы теперь не Турсуновы, а Турсунко?

— Ну тогда вы не Приваловы, а Прихаджаевы... Вы ж у нас узбеки!

— Это что-то с чем-то! — смачно затынулась соседка. — Моя Танюха твоей Канише обзавидовалась, плакала даже. Говорит, у неё и цветы на голове будут, и ленточки разноцветные, а у меня старушечье платье в разводах, тюрбетейка и двадцать косичек. Я ей говорю: «Ты, Танька, только вслушайся, слово-то какое волшебное — тюрбетейка! Происходит от тюркского “тюрбе” и означает “вершина”. Ты в ней, Танюха, всех вершин достигнешь! Короче, говорю, не грусти, шёлк на платье я тебе куплю самый дорогой, а ещё разрешу надеть все мои кольца, броши и цепочки разом». Насилу успокоила.

— Привет, Женёк! — на турсуновском балконе, кутаясь в халат, появилась жена Биржана Айгуль.

— Привет, подруга! — отозвалась Женя.

— Слышу, вы тут жеребьёвку обсуждаете. Это завуч по воспитательной работе придумал жребии тянуть — какая республика достанется, ту и будешь представлять. Сказал, что СССР — это государство свободы, равенства и братства. Думаю, он правильно придумал. К тому же хор в национальных костюмах исполнит песню: «Дети разных народов, мы мечтою о мире живём...» — тихо пропела Айгуль.

— Я ж разве спорю? — выпуская облако дыма, согласилась Привалова. — Всё справедливо, просто смешно же... То-щий Валерка Шин будет армянином, а чеченец Иса Умалатов — латышом. Нет... ну правда же весело?

— Не доведёт тебя, Женька, язык до добра в наше время...

Биржан поднял с пола грязную стеклянную литровку, затушил в ней окурок и для верности ещё и аккуратно плюнул в банку.

— Леонид шары надул? — деловито спросил он, опуская импровизированную пепельницу на место.

— Надувает, — пригладила рыжие кудри соседка. — Короче, через час выходим!

Жить в Володаровке (так в советское время назывался нынешний Саумалколь) и работать на руднике было престижно.

Со всего СССР сюда слетались лучшие специалисты. Бывшие москвичи, ленинградцы, томиичи, алматинцы здесь не в диковинку. Урановая отрасль управлялась из Москвы, поэтому в посёлке для рудничных были обеспечены отдельные блага: московское снабжение, высокая зарплата и отдельный микрорайон с развитой инфраструктурой, где в улучшенной трёшке и жили Турсуновы, переехав из Кокчетова.

Своё раннее детство Каниша почти не помнила. И только навещая в Кокчетове бабушку и прабабушку, оставшихся жить в тесной двушке с титаном в ванной, удивлялась, как они умудрялись размещаться здесь вшестером. А ведь жили раньше две бабушки, мама, папа, старший брат Амантай и она. И всем места хватало! Теперь же у них на четверых целых три комнаты, просторная кухня и лоджия. А шестнадцатилетний Амантай постоянно недоволен. Родители переселили его от повзрослевшей дочери в зал. А тут ему ни плакаты с рок-группами на стены не повесить, ни музыку громко не послушать. А ещё вся семья постоянно смотрит телик на его территории, не заботясь о том, что нарушают его личное пространство.

Амантай красивый — весь в папу! Они оба высокие, плечистые и спортивные. У них густые волосы и одинаковые стрижки под ёжик. Оба черноглазые и густобровые. Но папа уже старый, ему сорок, а Амантай молодой, на него в школе все девчонки засматриваются. А когда он в баскетбол играет, половина Володаровки болеть приходит.

Да что там девчонки из школы! Таня Привалова, одноклассница, соседка и лучшая подруга Каниши, тоже вздыхает по Амантаю. Острая на язык тётя Женя постоянно над ней подтрунивает: «Эх, Танюха, нам, рыжим да конопатым, такой жених не по зубам!» Таня обижается и жалуется Канише. А та утешает подругу как может, называет её волосы не рыжими, а золотистыми, а про веснушки говорит, что их вывести легко. Вот станут они взрослыми, купят в магазине болгарский крем «Ахромин» и выведут все Танюхины конопушки до единой.

— Хорошо тебе говорить, — вздыхает младшая Привалова. — У тебя вон какое лицо чистое и волосы красивые, вьются без бигудей. А я...

Однако, поворчав и посетовав, Таня успокаивается. В двенадцать лет быстро успокаиваешься.

Первомайским утром на улице шумно и весело. Ребяшня носится друг за другом, удерживая за нитки разноцветные надувные шарики и красные флажки. У девочек постарше в руках бумажные цветы на длинных проволочных стеблях, обмотанных тонкой гофрированной бумагой. Нарядные мужчины и женщины здороваются, поздравляют друг друга с праздником и небольшими группками не спеша направляются в сторону райисполкома. Там на площади установлена и украшена плакатами деревянная сцена. Сразу после торжественного митинга состоится праздничный концерт, на котором будут выступать школьники.

Вся процессия заливается дружным смехом, когда ровно в восемь утра динамики, развешанные по всем улицам, сначала противно лязгают, шипят, а затем взрываются песней из фильма «Весёлые ребята»:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда.
И любят песни деревни и села,
И любят песни большие города!

Жители Володаровки подпевают Утёсову. Приваловы и Турсуновы идут вместе с соседями — жителями рудничного микрорайона. Мамы с папами дефилируют под руку, Каниша и Таня чуть позади, стараясь не помять концертные костюмы, а Амантай позади, будто нарочно отстаёт. На нём тёмно-синие джинсы, бежевая рубашка, а в руке кассетный магнитофон «Весна». После концерта они с одноклассниками пойдут на озеро.

Каниша счастлива. Ей нравится это солнечное утро, синие небо и нарядная весёлая толпа, стекающаяся к площади со всего посёлка. А ещё она гордится своими родителями.

Они такие красивые, такие уважаемые! Тоненькая невысокая мама в модном брючном красном костюме, и папа в строгом чёрном костюме с малиновым галстуком — прямо как с обложки журнала. К папе подходят товарищи по работе, здороваются, жмут руку. С мамой тоже здороваются, кричат громко и даже издалека. Мама педиатр, она работает в поликлинике и лечит детей. Каниша хочет быть как мама и мечтает стать врачом.

—Здравствуйте, Айгуль Касымовна! С праздником вас, Айгуль Касымовна! — кричат дети и машут ей руками.

—С Первомаем вас, ребята! — улыбается в ответ мама.

К тёте Жене и дяде Лёне тоже подходят здороваться. Приваловы в посёлке личности известные. Дядя Лёня — инженер на руднике, а тётя Женя возглавляет местную газету «Володарские новости». Она очень общительная и всё про всех знает. Но по красоте, убеждена Каниша, им с её родителями не сравниться. Тётя Женя — толстушка, а дядя Лёня ниже папы на полголовы и к тому же лысый.

Однажды, когда Каниша ещё ходила в детский сад, она долго разглядывала лысину отцовского друга, что-то прикидывала в уме, а потом выдала с детской непосредственностью: «Дядя Лёня, ты почему волосы не носишь? Тебе с волосиками будет лучше!» Турсуновы чуть в обморок от стыда не грохнулись. Айгуль покраснела и стала извиняться. Однако Привалов не обиделся, а его жена так и вовсе заливи-сто расхохоталась.

—Видишь ли, деточка, — крикнув, провёл рукой по гладкой голове Привалов, — у умных людей всегда большой лоб. А я настолько умён, что мой лоб занял всю голову. Понятно?

—Нет! — честно призналась Каниша.

После этих слов все взрослые и даже Амантай взорвались безудержным хохотом. Смеялись до слёз и так заразительно, что девочка начала смеяться, радуясь, что ей удалось всех развеселить.

Непосредственная искренность Каниши вечно вгоняла взрослых в ступор. Например, будучи ученицей младших

классов, она участвовала в конкурсе рисования на тему «Будни нашего посёлка». Она нарисовала улицы и дома, озеро и деревья. А чтобы дороги не выглядели пустующими, попросила Амантая помочь нарисовать на них машины. Получилось красиво. Юное дарование заметили. Рисунок повесили на стенде школьного фойе.

Кто же мог предположить, что с художницей Турсуновой захочет поговорить проверяющий областного отдела образования!

Это случилось на большой перемене. Директор школы, демонстрируя важному гостю стенд с рисунками, несколько раз намекнул на необходимость создания при школе рисовального кружка и увеличения штатного расписания на одну единицу.

Каниша и Таня, вертевшиеся неподалёку, прислушивались к разговору.

— А мне кажется, что заложенных в программу уроков рисования вполне достаточно, — сухо произнёс инспектор. — У нас во всех школах дети хорошо рисуют. Мы же не профильное учреждение, а общеобразовательное. Сегодня эта девочка увлекается рисованием, а завтра, может, плаванием увлечётся. И что, нам бассейн строить?

Каниша поняла, что речь идёт о ней. Решительно вклинившись между директором и очкастым незнакомцем, скептически разглядывающим её рисунок, она дотронулась до приколотой на фартуке октябратской звёздочки и пылко пообещала: «Честное октябратское, я не буду увлекаться плаванием!»

Проверяющий от неожиданности вздрогнул, и очки в толстой роговой оправе съехали к кончику носа.

— Как тебя зовут, девочка? — натянуто улыбнулся он.

— Турсунова Каниша, второй класс, — отрапортовала бойкая художница. — Это я нарисовала!

— Молодец! — погладил её по голове проверяющий. — Какая шустрая девочка! А можешь мне рассказать, что на твоей картине изображено?

Директор школы, седенький сухопарый Иосиф Яковлевич, как-то чересчур ласково посмотрел на свою подопечную и напутственно кивнул.

— Это Володаровка, — затараторила Каниша. — Вот наша школа, вот озеро, вон там мой дом. А вдалеке, где такие башни, — рудник. Мой папа работает там.

— Отлично! — похвалил инспектор. — А что за грузовик едет по дороге к руднику? Это, наверное, молоковоз, который везёт рабочим молоко?

— Нет! — рассмеялась Каниша, прикрыв рот ладошкой. — Это не молоковоз, это эковоз, он возит эков на работу! Вы что, эковозов не видели?

Сгрудившиеся рядом ребята тоже принялись хихикать и, тыкая пальцами то на рисунок, то на растерянных педагогов, повторять: «Эковоз, эковоз, эков на рудник привёз».

Дальнейшее описывать нет нужды! Работник областного управления народного образования наката на директора такую докладную, что Иосиф Яковлевич еле усидел в своём кресле до пенсии, благо до неё оставалось полгода.

А если честно, ну что такого крамольного сказала Каниша? В Володаровке каждый знает, что по соседству с рудником расположена исправительная колония. Здесь отбывают наказание рецидивисты, которых привлекают к подземным работам в шахтах. Возят их большими грузовиками в наглухо закрытом кузове, и машины эти все называют эковозами.

Конечно, после случившегося во втором классе было проведено экстренное родительское собрание, по итогам которого закошмаренные родители замучились втолковывать своим чадам, что можно говорить, а что нельзя. И в конце концов велели в присутствии взрослых рта не раскрывать.

Незачем рисковать, когда генсеком ЦК КПСС после смерти Брежнева стал комитетчик Андропов. И план у товарища Андропова по спасению социализма простой и понятный: повсеместная железная дисциплина и разгром

Содержание

<i>Глава 1</i>	
<i>Дом-призрак</i>	5
<i>Глава 2</i>	
<i>Любовь с первого взгляда</i>	24
<i>Глава 3</i>	
<i>Неподтвердившийся диагноз.</i>	36
<i>Глава 4</i>	
<i>Случайное знакомство</i>	40
<i>Глава 5</i>	
<i>История, рассказанная Анной</i>	47
<i>Глава 6</i>	
<i>Дядя Валя</i>	50
<i>Глава 7</i>	
<i>Динара</i>	69
<i>Глава 8</i>	
<i>Шapiro</i>	74
<i>Глава 9</i>	
<i>Комната холостяка</i>	81
<i>Глава 10</i>	
<i>Без вины виноватый</i>	85
<i>Глава 11</i>	
<i>Мушел жас, или Все должны стать казахами</i>	92
<i>Глава 12</i>	
<i>Встреча</i>	99

<i>Глава 13</i>	
<i>Беспронимательная тема</i>	104
<i>Глава 14</i>	
<i>Комната, пропахшая лекарствами</i>	111
<i>Глава 15</i>	
<i>Назад в прошлое</i>	113
<i>Глава 16</i>	
<i>Новая опасность</i>	123
<i>Глава 17</i>	
<i>Комната с камином</i>	128
<i>Глава 18</i>	
<i>Умит Юсупова</i>	134
<i>Глава 19</i>	
<i>Дежавю</i>	136
<i>Глава 20</i>	
<i>Миржан Сабитов</i>	143
<i>Глава 21</i>	
<i>Комната с роскошным интерьером</i>	150
<i>Глава 22</i>	
<i>Первая дверь</i>	154
<i>Глава 23</i>	
<i>Сочинение</i>	165
<i>Эпилог</i>	169